

Русинова Людмила Андреевна, Русская христианская гуманитарная академия, студент

ГНЕВЛИВЫЙ НЕВЕЖДА, ДВОЕЖЕНЕЦ, ВЗРОСЛЫЙ ЭРОМЕН. НЕГАТИВНЫЙ ОБРАЗ СОКРАТА У АРИСТОКСЕНА ТАРЕНТСКОГО¹

Аннотация: Автор рассматривает негативные черты афинского мыслителя, описанные в книге Аристоксена «Жизнь Сократа». Особое внимание уделяется неоднозначным внутренним качествам Сократа и сомнительным фактам его биографии. Автор задается вопросом: «Критиковал ли Тарентский философ или лишь показывал его с нетипичных сторон?»

Ключевые слова: античность, Сократ, биография, критика, бигамия.

Ludmila Rusinova, Russian Christian Academy for the Humanities,
St Petersburg, student

Incontinent, Ignorant, Bigamist, an Adult Eromenoi: a Negative Image of Socrates from Aristoxenus of Tarentum

Summary: The author analyzes the negative characteristics of Socrates, described in Aristoxenus' *Life of Socrates*. She focuses on the ambiguous internal qualities of Socrates and the controversial facts of his biography. The topic the author dwells upon is: did Aristoxenus criticise Socrates or did he just show him from unusual angles?

Keywords: antiquity, Socrates, biography, criticism, bigamy.

«Жизнь Сократа», написанная Аристоксеном Тарентским, традиционно воспринималась античными, средневековыми и современными исследователями как литература, критикующая афинского мыслителя. Плутарх пишет о биографии, созданной Аристоксеном: «Он назвал Сократа неучем, некультурным и невоспитанным человеком» [Плутарх. О злокозненности Геродота 9.856с]. Многие ученые склонны считать свидетельства Аристоксена ненадежными и даже враждебными по отношению к Сократу. Это неудивительно, так как портрет, написанный Тарентским, был несовместим с «комплиментарными» рассказами более ранних источников, особенно Платона и Ксенофонта.

Около 335 года до нашей эры Аристоксен приехал в Афины и присоединился к перипатетикам, где получил возможность работы с богатой биографической и доксографической информацией,

¹ Исследования проводились при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00968 «Сократ: pro et contra. Миф о Сократе в отечественной и мировой культуре».

которая была собрана и опубликована Аристотелем, пифагорейцами, сократиками, и другими философами. Однако эта литература, в силу трагических событий, сопровождавших кончину Сократа, и необходимости создания апологетических работ выстраивает образ «идеализированного» учителя мудрости, на фоне которого биографическое произведение Тарентского сильно выделяется. Тем не менее, портрет Аристоксена не противоречил свидетельствам первого поколения сократиков. Такие качества Сократа, как вспыльчивость, невоздержанность и чрезмерный эротизм, описываются, в частности, и у Платона с Ксенофонтом. Так является ли описание Аристоксена критикой Сократа или же попыткой создания более разностороннего образа?

Аристоксен был эрудированным и плодовитым писателем. Ему приписывают 453 работы, охватывающие большой круг предметов. Значительная часть его произведений посвящена пифагорейским вопросам, таким как гармония и музыка; меньшая часть, в основном исторического характера, написана под влиянием тем, изучаемых в рамках перипатетической традиции. Мы знаем о его биографических произведениях, посвященных жизням Пифагора, Архита Тарентского, Сократа, Платона и поэта Телеста. Вероятно, его перу принадлежат также и биографии иных личностей. Многие авторы сравнивают его работы о сократиках с работами, посвященными жизням пифагорейцев. Гибсон пишет: «Наиболее заметны его биографии Сократа и Платона, которых он явно не любит, несмотря на то, что разделяет многие взгляды Платона на образование. С другой стороны, его взгляды на пифагорейцев, понятные из фразы про самодисциплину Архита Тарентского, контрастируют с грубой критикой сократовских бесчинств» [8, p. 126].

Из этих работ сохранились только фрагменты, пересказанные более поздними авторами. Что касается «Жизни Сократа», то подавляющее большинство дошедших до нас отрывков мы встречаем в работах Кирилла Александрийского и Феодорита Кирского, родившихся в конце четвертого века нашей эры и цитирующих утраченную «Историю философии» Порфирия третьего века.

Ставро подчеркивает, что, несмотря на склонность Аристоксена к Пифагореизму, его понимание связи души и тела человека было отлично от традиционного для этой школы. Его концепция души была скорее ближе к Платону: «Аристоксен, музыкант и философ, вслед за еще более давними мыслителями, говорил, что душа есть некоторое напряжение всего тела, такое, какое в музыке и пении называет-

ся «гармонией»; сама природа и облик тела производят различные движения души, как пение производит звуки» [Цицерон. Тускуланские беседы 1.X]. В таком понимании душа не отделена от тела, но, наоборот, напрямую зависит от него, его природы и внешнего вида, которые производят эмоции — «движения души». Эта концепция особенно важна для нашего исследования, так как Аристоксен проводит значительную работу, оценивая несдержанный характер Сократа через его яркую внешность [11, с. 627].

Нетипичный, откровенно говоря, некрасивый внешний вид Сократа не раз упоминается у Платона и Ксенофонта, что довольно необычно, учитывая, что, согласно античным физиогномическим представлениям, внешность человека была отражением его внутренних качеств. Платон сравнивает любимого учителя с силеном (сатиром) [Платон. Пир 215 b] или скатом [Платон. Менон 80], а Ксенофонт в своем «Пире» подробно разбирает его внешний вид и, хоть и приписывает его чертам достоинства и полезные качества, описывает такие особенности, которые никак нельзя назвать красивыми: глаза видят: «вкось, так как они навывкате», «губы толстые», «рот безобразнее, чем даже у осла», ноздри «открыты вверх», а нос приплюснут [Ксенофонт. Пир 5. 5–7]. Недаром Аристофан, по словам Элиана, заказал для актера, исполнявшего в «Облаках» роль Сократа, маску максимально схожую с приметным обликом философа.

Светлов в своей статье «Сократ в пространстве античного воображения» подробно разбирает, как благодаря произведениям Платона и Ксенофонта Сократ в сознании потомков, просопографии и иконографии обретает черты сатира — комичного, гневливого, трусливого, невоздержанного персонажа, заимствованного из пространства театра и совершенно не вяжущегося с образом афинского философа. «Для учеников Сократа действительно было очень важно выделить и закрепить различие философской природы и полностью противоречащего ей внешнего образа», — указывает Светлов [5, с. 179]. Аристоксен также заостряет свое внимание на внешних чертах Сократа, однако, в отличие от Платона и Ксенофонта, он подчеркивает не противоречие между ними и внутренней природой философа, но их прямую взаимозависимость.

В своем биографическом произведении Аристоксен ссылается на собственного отца Спинатра, как на современника афинского философа. Такой источник — лично встречавшийся и имевший несколько бесед с Сократом — выгодно выделял Аристоксена среди других биографов мыслителя того времени, так как все они, жив-

шие спустя некоторое время после сократовской смерти, никогда не имели с ним непосредственного общения. По словам Спинатра, Сократ обладал необыкновенной силой убеждения, которая отразилась в его голосе, на его рте, проявлениях характера и уникальном внешнем виде. Но иногда, когда Сократ загорался от гнева, он ужасно обезображивался и не мог сдерживать себя ни в словах, ни в делах.

[fr. 56 Wehrli = Synesius Encomium calvitatis 81a] Аристоксен говорит, что Сократ по природе (φύσει) быстро впадал в неистовство (τραχὺς εἰς ὀργήν), и каждый раз, когда он был во власти (κρατηθείη) этой эмоции (τῷ πάθει), он проходил через все виды обезображивания (διὰ πάσης ἀσχημοσύνης ἐβάδιζεν).

[fr. 54a Wehrli = Cyril Adv. Iul. 6.185] Аристоксен пересказывает жизнь Сократа (τὸν βίον τοῦ Σωκράτους), основываясь на том, что слышал о нем от Спинатра (ἀκηκοέναι Σπινθάρου τὰ περὶ αὐτοῦ), который был одним из тех, кто знал (ἐντυχόντων) Сократа лично. Спинатр говорил, что он, по крайней мере, не встречал (ἐντετυχηκένας) кого-то более убедительного (πιθανωτέρω), чем он (Сократ). Таким был и его голос (φωνήν), и рот (στόμα). Характер его проявлялся (τὸ ἐπιφαινόμενον ἦθος), помимо всего сказанного, в необычности его внешности (τὴν τοῦ εἶδους ιδιότητα). Он был таким отнюдь не тогда, когда злился (ὅτε μὴ ὀργίζοιτο). Когда он был захвачен эмоциями (ληφθείη ὑπὸ τοῦ πάθους), его уродство было ужасно (δεινὴν... ἀσχημοσύνην). Ибо он не воздерживался он ни от слов, ни от действий.

[fr. 54b Wehrli = Theodoret. Graec. aff. cur. 12.61–63] Порфирий, в сочинении своем «История философии», во-первых (πρῶτον), говорит, что Сократ был вспыльчивым (ἀκρόχολον), предоставляя в качестве свидетеля Аристоксена, который написал «Жизнь Сократа». Аристоксен утверждает, что он никогда не сталкивался (ἐντετυχηκένας) с кем-то более убедительным (πιθανωτέρω), чем Сократ. Убедительным был и его голос (φωνήν) и рот (στόμα)... ибо он не воздерживался ни от слов, ни от действий.

Данные фрагменты указывают, что под действием эмоций, в частности гнева, внешность Сократа сильно обезображивалась. Аристоксен называет Сократа вспыльчивым и раздражительным, однако эти качества в трактовке Тарентского уже не выглядят недостатками. Аристоксен подчеркивает связь между внешним видом Сократа и его убедительностью, что вполне соответствует описаниям «утилитарности» внешних особенностей афинского философа, которые мы встречаем у Ксенофонта.

Интересно, что, помимо чисто внешних качеств, Аристоксен обращает внимание на голос Сократа и его привычку «не воздерживаться от слов». Тут мы снова сталкиваемся с традиционным для описания афинского философа явлением, называемым Платоном *παρρησία* (парессия), которое также служит риторическому искусству Сократа. Этимология слов *πάς* и *ῥῆσις* указывает на намерение говорящего «сказать все» — и, таким образом, говоря о человеке, иметь дело с его или ее как положительными, так и отрицательными качествами.

Выходит, что гневливость Сократа не только не выглядит его отрицательным качеством, но, наоборот, составляет неотъемлемую часть уникальности мыслителя. В осмыслении Аристоксена, внешнее уродство Сократа является следствием его несдержанного нрава, что перекликается с описанной выше концепцией связи души и тела Тарентского, однако это же уродство служит убедительности мыслителя.

Здесь мы встречаем сочетание похвалы и хулы, что, по мнению Плутарха, было свойственно биографии Аристоксена и являлось ее существенным недостатком: «Подобно тому, как ловкие и искусные льстецы к многочисленным и многословным похвалам иногда прибавляют незначительные порицания, как бы сдобряя свою лесть прямою, так и злокозненность, чтобы снискать в слушателях веру к их клевете, прибавляет к ней и похвалу» [Плутарх. О злокозненности Геродота 9.856c]. Нам же кажется, что данное описание Сократа нельзя назвать критическим. Аристоксен не пишет о философе ничего, что бы уже не упоминалось в сократической традиции, однако, объединив с собственным пониманием связи души и тела, добавляет к образу Сократа несколько новых штрихов.

Интересно, что по описанию Аристоксена гневливость и невоздержанность Сократа, присущие ему от природы, а также его невоспитанность и необразованность были укрощены благодаря занятиям философией. Вот некоторые фрагменты из описаний Тарентского, подтверждающие указанный тезис, которые также считают хулой на афинского мыслителя:

[Theodoret. Graec. aff. cur. 1.29] Он вовсе не бездарный (*ἀφύῃ*), но малограмотный во всех отношениях (*ἀλαίθευτον δὲλερὶ πάντα*). Вероятно, он не совсем знает буквы: он смешон каждый раз, когда должен писать или читать, и заикается, как дети.

[fr. 215 Smith = Theodoret. Graec. aff. cur. 12.65–67] Порфирий рассказывал про Сократа: «Сообщалось, что, когда он был мальчиком

(παῖς), он не вел хорошую жизнь (οὐκ εὖ βιώσειεν) и был не дисциплинирован (οὐδὲ εὐτάκτως). Во-первых, он никогда не слушался (τῷ πατρὶ διατελέσαι ἀπειθοῦντα). Каждый раз, когда отец приказывал ему принести свои рабочие инструменты, он не следовал приказу и бежал туда, куда ему нравилось. Когда ему было около семнадцати лет, Архелай, ученик Анаксагора, пришел к Сократу в гости и сказал, что бы тот стал его любовником (ἐραστήν). Сократ не отказался от общения (οὐκ ἀλώσασθαι τὴν ἔντευξίν) и компании (ὁμιλίαν) Архелая, оставаясь с ним много лет (ἔτη συχνά). Тот и научил его (προτραπήναι) философии (ἐπὶ τὰ φιλόσοφα).

(t7) [fr. 216 Smith = Theodoret. Graec. aff. cur. 4.2] Порфирий говорит, что Сократ, сын Софрониска, был порой склонен к невоздержанности (εἰς ἀκολασίαν ἤνικα ... ἀποκλίναντα), когда был молод (νέος ἦν), но с работой и учебой (σπουδῇ καὶ διδαχῇ) он исправил (ἀφανίσει) эти качества (τοὺς τύλους) и также победил их философией (τοὺς δὲ τῆς φιλοσοφίας ἐκμάξασθαι).

[fr. 52b Wehrli = Suda s. v. Σωκράτης] Аристоксен говорит, что он (Сократ) был первым учеником Архелая и стал его возлюбленным (παιδικά), испытывая очень сильное половое влечение (σφοδρότατόν ... περὶ τὰ ἀφροδίσια), но это не привело его к несправедливым поступкам (ἀδικήματος χωρίς).

Интересно, что фрагменты, где Аристоксен описывает Сократа как невоздержанного, необразованного и невоспитанного, часто воспринимаются исследователями как критика философа. Однако в диалогах Платона, Ксенофонта и других авторов сократической традиции мы также видим упоминания о сильных страстях Сократа, которые он побеждает при помощи философии. Хорошим примером может служить эпизод из платоновского «Пира», где Сократ силой разума побеждает эротическое стремление. Мы склонны прийти к выводу, что и в приведенных выше отрывках Аристоксен не критикует Сократа, а лишь демонстрирует нам устоявшийся в традиции образ, дополненный новыми штрихами.

Куда интереснее, на наш взгляд, описанные в них любовные взаимоотношения с Архелаем, в которые Сократ вступает в достаточно зрелом семнадцатилетнем возрасте и состоит, даже перешагнув порог взрослости. Из указанных отрывков создается впечатление, что отношения Сократа с Архелаем следовали традиционной для древнегреческого общества дихотомии Эраст и Эромен, где Архелай занимал активную позицию эраста, а Сократ пассивную — эромена. Тут мы видим сразу несколько проблем. Во-первых, из отрывков,

приведенных выше, следует, что Сократ стал любовником Архелая, уступив собственной сексуальной невоздержанности, в то время как образцовый эромен должен был оставаться незаинтересованным в физической близости. Желание же вступать в сексуальные отношения и способность получать от этого удовлетворение в античном обществе осуждалась. Важно отметить, что такое описание отношений Сократа и Архелая не являлось традиционным для сократической традиции. Имя учителя Сократа упоминалось у Иона Хиосского и Теофраста, но только Аристоксен придал его отношениям с учеником педерастический характер. Мы можем предположить, что ряд авторов, в свою очередь, находили эту модель их взаимодействия потенциально проблемной. Например, Платоновском диалоге «Пир» Сократ излагает свою эротическую доктрину, ссылаясь на таинственную пророчицу Диотиму. По мнению некоторых исследователей, это происходит по причине того, что, не вложив Сократ свою теорию в чужие (тем более женские) уста, возникла бы опасность приписывания ее эрасту Сократа, что нанесло бы его авторитету существенный удар [9].

Схожим ударом по репутации афинского мыслителя часть исследователей считают описанное Аристоксеном двоеженство Сократа.

[fr. 54a Wehrli = Cyril Adv. Iul. 6.186] В вопросах, имеющих отношение к его жизни и ко всем остальным вопросам, он был легко удовлетворяем (εὐκόλον) и требовал мало материальных благ в своей повседневной жизни. У него было очень сильное половое влечение (τὴν τῶν ἀφροδισίων χρήσιν σφοδρότερον), но не было никакой несправедливости/беззакония (ἀδικίαν), прилагавшихся к нему. Он практиковал секс (χρῆσθαι) только со своими женами (ταῖς γυναῖταις) или с женщинами, которые были широко доступны (κοιναῖς). Он имел (σχεῖν) двух жен одновременно (δύο γυναῖκας ἅμα): Ксантиппу — гражданку, но все равно (πως) достаточно доступную (κοινωτέραν) женщину, и Мирто, внучку Аристида, сына Лисимаха. Он взял в жены (λαβεῖν) Ксантиппу после того, как она вступила в связь с ним (περιπλακεῖσθαι), и от нее родился сын Лампрокл (ἑαυτῷ Λαμπροκλῆς ἐγένετο). Мирто [он взял] в брак (γάμῳ) позже, и от нее [родились] Софрониск и Менексен.

[fr. 54b Wehrli = Theodoret. Graec. aff. cur. 12.63–65] Аристоксен показывает, что Сократ также был поработчен удовольствиями (ἡδυπλαθείαις δεδουλωμένον). Он говорит следующее: у него было очень сильное половое влечение [далее следует текст идентичный

отрывку выше]. Он взял в жены Ксантиппу после того, как она вступила с ним в половую связь (προσπλακεῖσαν), и от нее родился Лампрокл (ὁ Λαμπροκλῆς ἐγένετο). Но Мирто [он взял], женившись на ней (γαμηθεῖσαν), и от нее [родились] Софрониск и Менексен. Эти женщины боролись друг с другом (ξυνάπτουσαι μάχην), и всякий раз, когда они останавливались, они нападали на Сократа, потому что он никогда не мешал им сражаться, но смеялся, когда видел, как они сражались друг с другом и с ним. Аристоксен сказал (φησιν), что в своих отношениях Сократ был сварлив (φιλαπεχθήμονα), суров (λοίδωρον) и возмутителен (ὕβριστικόν).

Традиция приписывать двух жен Сократу восходит к Аристотелю (псевдо-Аристотелю). В утерянном трактате «О благородстве» он сообщает, что у Сократа в первом браке с Ксантиппой был рожден первый сын Лампокл, а во втором с Мирто Софрониск и Менексен. Притом у Аристотеля нет указаний на то, были ли эти жены у Сократа одновременно, или Сократ женился второй раз, после того как одна из них умерла. История о двух браках Сократа не раскрывалась в сократической литературе, но много обсуждалась в кругу перипатетиков, что могло быть причиной, по которой о них пишет и Аристоксен. Согласно источникам, о бигамии Сократа также писали Деметрий Фалерский и Иероним Родосский. Последний даже писал о некоем афинском эдикте (ψήφισμα), содержащем меры, регулирующие нехватку населения. Одной из таких мер было разрешение некоторым мужчинам иметь двух жен для деторождения. Тем не менее большинство ученых подвергает сомнению существование подобного постановления. Скорее всего, оно было изобретено самим Иеронимом Родосским, для того чтобы опровергнуть обвинения афинского мыслителя в нарушении законов.

Упоминание двоеженства Сократа вызывало возмущение не только у Иеронима, но и у других современников и последующих исследователей. Лиддел и Лоу подчеркивают: «Двоеженство было нелегально в Афинах пятого-четвертого века, следовательно, по данному свидетельству Аристоксена, Сократ нарушал закон. Таким образом, Аристоксен внес очередной факт в устоявшийся образ Сократа — нарушителя закона. Эта новая грань сократовского образа неплохо вписалась в сложившийся на тот момент топос антисократической полемики: имея двух жен, Сократ потакал собственным желаниям» [9, p. 80].

Однако из указанных отрывков следует, что, хоть Сократ и был подвержен страстям, а именно «очень сильному половому влече-

нию», он вовсе не потакал им, а, напротив, побеждал, не опускаясь до незаконных связей. Важно, что Аристоксен не считает браки Сократа нарушающими Афинские законы. Он подчеркивает, что мыслитель женится на Ксантиппе, чтобы не подвергать ее бесчестию, что еще раз подтверждает, что он подчиняется не только законам, но и нормам морали. Мы можем предположить, что в данном случае Аристоксен считал, что у философа был законный повод обладать двумя женами.

Интересно, что тут мы снова сталкиваемся с описанием страстной природы Сократа, на которую Аристоксен регулярно ссылается в своем биографическом произведении. Эта черта была присуща мыслителю от рождения, укрощена, однако не до конца, философией и служила Сократу в качестве инструмента его особой убедительности. Она широко влияла на жизнь философа и даже отражалась на его внешности. Тем не менее его страстность не приводила Сократа к незаконным действиям, хотя и толкала порой на поступки нетипичные для образа философа и достойного афинянина.

На наш взгляд, такой портрет Сократа все же нельзя назвать антисократическим. Человек, воссозданный Аристоксеном, действительно существенно отличается от идеализированного образа, созданного учениками Сократа, однако описанные Тарентским недостатки не только щедро приправлены рассказами о достоинствах, но и вписаны в общую концепцию, призванную нарисовать перед читателем цельный портрет человека, чей образ жизни, характер и внешность составляют единое целое.

Литература

1. Ксенофонт. Пир // Аристотель. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993. С. 160–197.
2. Платон. Менон // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. СПб.: Изд-во Санкт Петербургского университета; Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 375–421.
3. Платон. Пир // Платон. Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2007. С. 430–492.
4. Плутарх. О злокозненности Геродота // История Древнего Рима. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1438060000> (дата обращения: 17.04.2018).
5. Светлов Р. В. Сократ в пространстве античного воображения // ΣΧΟΛΗ (Scholē) Философское антиковедение и классическая традиция. Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного университета, 2015. Т. 9. № 1. С. 169–185.
6. Цицерон. Тускуланские беседы // История Древнего Рима. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1422368001> (дата обращения: 17.04.2018).

7. Элиан. Пестрые рассказы // Пестрые рассказы. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 186 с.
8. Gibson S. Aristoxenus of Tarentum and the Birth of Musicology (Studies in Classics 9). New York and London: Routledge, 2005. 126 p.
9. Halperin D. M. Why Is Diotima a Woman? // One Hundred Years of Homosexuality and Other Essays on Greek Love. New York: Routledge, 1990. P. 112–211.
10. Liddel P., Low P. Inscriptions and Their Uses in Greek and Latin Literature. Oxford: Oxford University Press, 2013. 80 p.
11. Stavru & Moore. C. (eds.). Aristoxenus on Socrates // Socrates and the Socratic Dialogue, Leiden/Boston, 2018. P. 623–664.